

В начале апреля 2009 года, как раз в те дни, когда проходил саммит НАТО, приуроченный к 60-летию со дня его основания, Северная Корея запустила, согласно официальному Пхеньяну, коммуникационный спутник, а, согласно западным источникам, баллистическую ракету дальнего радиуса действия. Оставим в стороне тот факт, что юбилей альянса, официально именуемого «оборонительным», вновь совпал с международным кризисом (50-летие отмечалось под грохот бомбардировок Союзной Республики Югославии, которые, почти как по заказу, должны были придать смысл его дальнейшему существованию) – здесь не место для глубокого изучения таких совпадений. Интересна была реакция бывшего председателя Нижней палаты Конгресса США, республиканца Ньюта Гингрича, который всего через несколько часов после запуска ракеты заявил на американском телевидении Фокс, что Северную Корею нужно было поставить на колени «превентивным ударом», дабы пресечь подобные ее поползновения. В числе «трех-четырёх» рекомендованных Гингричем вариантов первым был назван удар с использованием «электромагнитного импульса».

Электромагнитный импульс (ЭМИ) – эффект, который достигается подрывом ядерного заряда на высоте от 40 до 400 километров, что вызывает выброс электромагнитной радиации и вывод из строя систем управления, энергоснабжения, связи, компьютеров и т.д. на территории вражеского государства или даже целого континента, в зависимости от высоты и силы подрыва. Схожего эффекта можно достичь и неядерным путем, но последствия будут существенно слабее.

Неясно, что имел в виду Гингрич: неядерный или ядерный вариант этого феномена. Может быть, посчитал, что не суть важно, будут ли северные корейцы облучены радиацией или у них «всего-навсего» будут парализованы все системы жизнеобеспечения, ибо Северная Корея принадлежит, по официальной терминологии американцев, к «оси зла» и к тому же является, по их же определению, «страной-изгоем». На примере Сербии мы видим, что с такими государствами можно делать, что угодно, за исключением тех случаев, когда они обладают неким оружием, например, ядерным, что в глазах доморощенной общественности делает нападение на них чересчур рискованным. Поэтому им нельзя позволить иметь такое оружие или, по крайней мере, надо резко ограничить возможность его применения.

Это одна из причин того, почему США поднимают столько шума против таких государств,

как Северная Корея, не говоря уже об Иране. Отчасти этот, на первый взгляд, чрезмерный шум является частью тактики, в унисон с новыми подходами к «теории предотвращения» (ответного удара) –они, кстати, изложены в реферате, озаглавленном «Основы «предотвращения» в эпоху, пришедшую на смену холодной войне» (Политический подкомитет Группы стратегических консультаций при Стратегическом командовании США, 1995). В этом документе говорится, например, что американские возможности «предотвращения» сократятся, если американские лидеры будут действовать чисто рационально и взвешенно:

«Когда некие элементы действуют так, словно они потенциально «вне контроля», это может быть полезно в провоцировании и усилении страхов и подозрений в головах тех, кто выносит решения на стороне соперника. Это ощущение страха – главная движущая сила «предотвращения». Частью национальной доктрины, которую мы разрабатываем по отношению ко всем соперникам, должно стать и допущение, что США могут стать иррациональными и мстительными, если их жизненные интересы будут подвергнуты угрозе».

Эти слова, в любом случае, нужно запомнить, хотя в сегодняшнем мире все труднее различить, кто на самом деле иррационален, а кто только притворяется. Но можно допустить и возможность того, что шум американцев по поводу «стран-изгоев» отчасти обусловлен подлинной озабоченностью возможным (ядерным) ракетным нападением (в принципе, в этом мире почти все возможно), – хотя еще нет никаких доказательств того, что оба упомянутых государства (или какое-то третье) или некая «независимая террористическая группа», буде таковая найдется, вообще обладают ракетой, которая может достичь территории США или их «союзников» (хотя, по мере непрерывного расширения НАТО и родственных ему «партнерств», понятие «союзник» становится все более расплывчатым). Но в то же время этот шум может быть и дымовой завесой, за которой кроются куда менее безобидные амбиции.

Как бы там ни было, почти одновременно с событиями в Северной Корее (и японском воздушном просторе, через который неведомо куда пронеслась северно-корейская баллистическая ракета; по версии северо-корейских властей, вместе со своим спутником - во Вселенную, тогда как на Западе утверждают, что она рухнула в океан) – так вот, как раз 5 апреля в Праге недавно избранный американский президент Барак Обама, в присутствии 30-тысячной массы, заявил, что целью США является «полный отказ» от ядерного оружия, однако США продолжают реализацию проекта противоракетной обороны в Европе, которая подразумевает размещение ракет-перехватчиков в Польше и антиракетного радара в Чехии.

Как Барак Обама научился не волноваться и полюбил противоракетную оборону

Пише: Александар Павич
петак, 08 мај 2009 22:55

«До тех пор, пока существует угроза из Ирана, мы продолжим строительство системы ракетной обороны, которая является рентабельной и обоснованной, - утверждал он. - Иранская ядерная и ракетно-баллистическая активность представляют подлинную угрозу, причем не только для Соединенных Штатов, но и для иранских соседей и наших союзников».

В связи с этим лондонский «Телеграф» отмечал:

«Масса с энтузиазмом приветствовала эти, скорее, идеалистические места из речи г. Обамы, но была относительно сдержанна, когда он говорил о своей поддержке противоракетной обороны.

Петр Срамек, 33 лет, тоже был разочарован, потому что г. Обама не отрекся от политики, которой противится больше двух третей чехов. «Мне очень понравилось ясное заявление в связи с ядерным разоружением, но я против системы противоракетной обороны. Она больше связана с осуществлением геополитического влияния, чем с защитой от ракет».

Арена Противинска, 30 лет, описала себя как «большую поклонницу» г. Обамы, но обвинила его в «двуличии» за одновременные призывы к миру и к дальнейшему строительству ракетного щита. «Он напоминал Джорджа Буша, когда, оправдывая создание противоракетной обороны, утверждал, что нам надо всего и вся бояться».

Можно предполагать, какой была бы реакция «разочарованных» чехов, если бы до них дошло, что угроза Ньюта Гингрича, изначально адресованная Северной Корее, косвенно относится и к ним – и не только к ним. Вот что в 2005 году об эффекте «перехвата» баллистических ракет над европейским небом сказал тогдашний начальник Генштаба России, генерал Юрий Балуевский:

«В радиусе 500-600 километров, в зависимости от силы ядерной начинки ракеты-перехватчика, генерируется электромагнитный импульс, который способен вызвать полное отключение электрической энергии и компьютеров, остановку электростанций, газопроводов, станций водоснабжения, радио и телевидения, железнодорожных и аэродромных служб.

Ударная волна способна уничтожить многие здания и структуры, а радиоактивность обеспечит загрязнение территории на многие годы. Чернобыльская катастрофа покажется детской игрушкой».

В свою очередь, украинский министр обороны Анатолий Гриценко в марте 2007 года высказал аналогичное мнение:

«Никто не знает, что может находиться внутри фрагментов (перехваченных ракет). Ибо, если речь не идет буквально о ядерной бомбе или ядерной боеголовке, то это может быть, например, «грязная бомба» с радиоактивными веществами, которые, наряду с эффектом Чернобыльской ядерной катастрофы, могут еще больше загрязнить территорию. Или это может быть некий вирус, или биологическое оружие».

Еще в 2005 году (вероятно, чтобы избежать такой участи), канадское правительство приняло решение о неучастии в совместной с США антиракетной обороне. Но очевидно, Канада более «суверенна» в своих решениях, чем Чехия и Польша, а, судя по всему, и весь Европейский союз, хотя и общественное мнение, и политики в ЕС в основном являются противниками противоракетного щита в Чехии и Польше.

КАК МЫ ПОМНИМ, в начале апреля, в ходе своей первой встречи с российским президентом Дмитрием Медведевым, Обама заявил, что США и Россия должны «перезагрузить» свои отношения. Тогда почему же Обама сразу после этого решает активизировать одну из самых горячих точек в российско-американских отношениях среди тех, которые в наследство ему оставил предшественник по Белому дому? Тем более, непосредственно после выборов, в ноябре 2008 года, члены Обамовской команды заявили польским официальным лицам, что противоракетный щит может быть размещен лишь в том случае, если будет доказано, что это «технологически осуществимо». И почему Обама не согласился еще раз обсудить российское предложение о совместном использовании радара раннего предупреждения на российских базах в Армавире (юг России) и Габали (Азербайджан) как основе для проведения совместного мониторинга, чем бы на деле показал готовность к «перезагрузке» отношений? Разве бы это не было в духе разрекламированного Обамой «многостороннего подхода» и стремления к международному сотрудничеству в решении глобальных проблем безопасности, разве это не уменьшило бы часто упоминаемый риск возрождения Холодной войны в каком-то новом виде?

В этой связи дополнительную напряженность вносит и заявление Заместителя командующего Объединенного штаба Армии США генерала Джеймса Картрайта, который, как сообщает журнал «Таймс», в конце марта 2009 года утверждал, что «баллистические ракеты устарели примерно так же, как и электронная почта... Никто это больше не использует. Понимаете?.. Нет такого дурака, такого неприятеля, который был бы таким идиотом, чтобы двинуться на нас по минимально-энергетической (т.е. баллистической – прим. автора) орбите. Э-э, бросьте, прошу вас. Просто-напросто нет причин для этого. Думаю, что даже люди из так называемого Третьего рейха были более дальновидными».

Кроме того, и сама противоракетная оборона еще не показала себя как нечто, что может функционировать. В феврале 2009 года д-р Чарльз Мекуири, директор Пентагона по операционным тестированиям и оценкам, засвидетельствовал перед Военным подкомитетом по стратегическим силам американского Конгресса, что «просто не выполнено достаточного количества тестирований», которые бы сделали возможной высокую безопасность в системе противоракетной обороны.

Да и по вопросу самого Ирана существует консенсус, что он еще не имеет ни ракет адекватной дальности, ни ядерных мощностей для изготовления баллистической ракеты, которая создала бы угрозу Европе или США. В конце марта 2009 года генерал Дэйвид Петреус, член Центрального командования армии США, заявил американскому Фокс-телевидению, что Иран «на многие годы отдален» от создания ядерного оружия. «Они располагают низко-обогащенным ураном, примерно таким его количеством, сколько им было необходимо, может быть, для одного образца оружия, но нужно сделать еще много, много шагов... Вы должны получить его (уран) в высокообогащенном виде».

Еще в ноябре 2008 года французский президент Саркози заявил в Вашингтоне, во время совместной пресс-конференции с Дмитрием Медведевым: «Размещение системы противоракетной обороны не принесло бы ничего с точки зрения безопасности. Это только бы усложнило ситуацию и отбросило ее назад».

Чему, похоже, Обама, вопреки своей «миротворческой» риторике, и способствует. Словом, это не «перезагрузка отношений», а «игра мускулами».

Разумеется, нельзя полностью исключить, что в один прекрасный день какое-то государство, а на худой конец и группа террористов, не применят против США, пусть и под видом «самоубийственного акта», какое-либо оружие массового уничтожения. Но снова встает вопрос: почему именно США громче всех кричат о такой опасности? Неужели другие технологически передовые страны меньше беспокоятся о своей безопасности? В это трудно поверить. И даже если такая потенциальная опасность существует, почему бы не сделать шаги к созданию единой глобальной противоракетной системы, под совместным контролем многих стран, а не только тех, кто входит в НАТО?

Такое предложение впервые прозвучало еще 31 января 1992 года, когда российский президент Ельцин в своей речи перед Советом безопасности ООН заявил, что Россия, считая Соглашение об антибаллистических ракетах «важным фактором сохранения стратегической стабильности в мире», «готова идти по пути создания, а затем совместного управления системой глобальной обороны» (вместо предложенной Рейганом программы «Звездных войн», которая была семенем, из которого выросла сегодняшняя американская программа противоракетной обороны»).

Возможно, на многие загадки проливает свет статья Кир А. Либера и Дерила Г. Преса, опубликованная в журнале «Форен аферс» (апрель – май 2006) - издании американского Совета по международным отношениям. В статье, озаглавленной «Взлет американского ядерного превосходства», говорится:

«Вероятно, Соединенные Штаты вскоре будут способны уничтожить дальнобойные ядерные арсеналы России и Китая путем первого удара.

Американские военно-воздушные силы завершили оснащение своих бомбардировщиков Б-52 крылатыми ракетами с ядерными боеголовками, которые, вероятно, станут невидимыми для российских и китайских радаров. Кроме того, усовершенствована и сама оснастка невидимых бомбардировщиков Б-92, которая теперь обеспечивает их полет на исключительно низких высотах, дабы избежать «глаза» самых современных радаров».

Следовательно, если рассуждать о сценарии «первого ядерного удара», то противоракетная оборона приобретает совершенно иррациональное содержание, или, лучше сказать, цитируя генерала Картрайта, идиотский смысл. Ибо целью противоракетной обороны становится «убой» тех немногих баллистических ракет

противника, которые смогли пережить первый удар и, в конечном счете, «победа» в ядерном конфликте (как бы наша планета выглядела после такой «победы» - особый вопрос). Потому Соглашение об антибаллистических ракетах, которое действовало с 1972 по 2002 год, когда администрация Джорджа Буша-младшего заявила об одностороннем выходе из него, и считалось столпом ядерной стратегической стабильности. До тех пор, пока противоракетная оборона была уделом двух сторон (США – СССР), существовало «равновесие страха», которое гарантировало «взаимное уничтожение» в том случае, если одна сторона попытается напасть на другую. Стоило одной стороне начать развивать противоракетную оборону, как другая вынуждена была предпринимать дополнительные наступательные меры, т.е. усиливать гонку вооружений, с тем, чтобы предупредить возможность того, что противник приобретет стратегические преимущества (читай, возможность успешного нанесения «первого удара», а равно шантажа, который мог бы завершиться капитуляцией слабого, лишенного системы обороны противника). В «старые добрые времена» Холодной войны было известно и то, сколь опасна и сама убежденность в том, что можно каким-то образом «победить» в ядерной войне или приобрести стратегическое превосходство, ибо это само по себе представляло искушение для нанесения первого удара. Но эта архитектура, очевидно, канула в Лету. Единственное, что после падения Берлинской стены и «конца идеологии» могло ее по-настоящему заменить, было именно совместное глобальное управление ядерной безопасностью. Между тем, такого предложения от нового американского президента мы еще не услышали.

Вместо этого слышатся общие рассуждения о том, как заманчиво было бы создать мир без ядерного оружия, хотя Обама и тут был весьма уклончив, заметив, что, вероятно, этого не случится в течение его жизни (его советник по контролю за вооружениями Гери Сеймор был более определен, объяснив лондонскому «Телеграфу», что жест Обамы был только «попыткой занять позицию 'морального превосходства' ради усиления давления на страны вроде Северной Кореи или Ирана»). А это последнее практически обеспечено дальнейшим курсом на противоракетную оборону, которая не является общей на глобальном уровне. Ибо кто убедит ядерные страны (Россию и Китай, прежде всего), если они останутся вне системы противоракетной обороны, в необходимости сократить свои арсеналы; им не надо объяснять, что чем меньше ракет они имеют, тем легче «вражеской» противоракетной обороне нейтрализовать их арсенал и поставить перед фактом стратегического поражения и капитуляции. Чтобы не цитировать только русских, приведу позицию официального Китая («Народный дневник», 2007) по вопросу размещения противоракетного щита:

«США стремятся разместить базы на (территории) своих европейских союзников и, если удастся, построить базы для ракет-перехватчиков и радаров.

Тогда система противоракетной обороны приобретет свой облик с (американским) отечеством посредине и Восточной Азией и Европой на крыльях.

Нынешняя расстановка сил... непосредственно и полностью направлена против России и Китая, что и является истинной причиной сопротивления со стороны России».

Если все это сложить, то представляется, что налицо еще один парадокс, игра в которые уже вошла в обиход нового американского президента. Так, например, военный бюджет «голубя» Обамы на два процента больше последнего бюджета «ястреба» Буша. Команда Обамы в Министерстве юстиции США с самого начала дала понять, что кроме громогласного закрытия пресловутой тюрьмы на базе Гуантанамо, она не намеревается отказаться от остальных «благодетелей», унаследованных от Буша-младшего, которые подразумевают, что американских граждан можно по-прежнему безнаказанно подслушивать, выслеживать и держать под наблюдением, а иностранных граждан похищать и держать в тайных тюрьмах, лишая их правовой помощи и возможности защищаться в суде. Как водится, наряду с заявлениями об «уходе» из Ирака (где все-таки, судя по всему, останется 50 тысяч американских солдат), прозвучали и слова о «компенсационных мерах» в Афганистане и Пакистане, куда направят два десятка тысяч новых солдат, а также дополнительных, значительно увеличиваемых заказах на пресловутые «беспилотники», которые сеют смерть среди афганских и пакистанских граждан.

Все это особенно поразило многих западноевропейцев, которые лелеяли большие надежды на то, что новый президент США откроет ставни для свежих ветров. Как писал 5 апреля в «Вашингтон пост» Роберт Кейген, когда Обама представил свои планы по Афганистану, Пакистану и Ирану, один опытный французский журналист обратился к нему с такими словами: «Все мы так удивлены. Он такой... американский!»

Оставим чувствительного американца, огорченного тем, что американский президент имеет «американские» манеры, наедине с его разочарованием и в заключение процитируем другого американца, упомянутого генерала Картрайта, который оценки и планы собственного военного истеблишмента ограничил более реальными рамками:

«Реальный подход состоит как в способности соизмерять свои шаги с происходящими изменениями, так и в том, чтобы перехитрить противника, оказаться в нужном месте в нужное время, - все это никогда не было сильной стороной армии. Наши предположения

Как Барак Обама научился не волноваться и полюбил противоракетную оборону

Пише: Александар Павич
петак, 08 мај 2009 22:55

почти всегда ошибочны».

Ошибочные оценки о «мудрости» размещения антиракетного щита могут причинить ущерб огромных размеров. Но учитывая, сколько расходует американский бюджет на новые «чудеса обороны», - например, с 1983 года до сего дня только на программу «Звездных войн» потрачено более 120 миллиардов долларов, а заложены лишь основы того, что первоначально замышлялось, – становится ясно, почему противоракетная оборона кому-то все-таки столь «необходима». А если «предположения» окажутся ошибочны, то тем хуже для них. С американским военно-промышленным комплексом не смог совладать даже тот, вышел из его недр, - генерал и будущий президент Дуайт Эйзенхауэр, чье предупреждение о растущей мощи этого комплекса и его опасности для американской демократии цитируется и сегодня, спустя полвека. Поэтому, может, и неудивительно, что Барак Обама, наподобие доктора Стрейнджлава, как и большинства своих послевоенных предшественников, решил научиться не волноваться и полюбил противоракетную оборону. Хотя все мы знаем, как тот фильм завершился.

завершено 14.04.09.

Примечание. В заголовке статьи обыгрывается название известного сатирического фильма С.Кубрика «Доктор Стрейнджлав, или как я научился не волноваться и полюбил Бомбу».